

Известия Южного федерального университета.
Филологические науки. 2025. Том 29, № 2
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ

Научная статья

УДК 821.161.1

ББК 83.3(2Рос=Рус)

<https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-2-134-147>

ЛИТЕРАТУРНЫЙ ДИАЛОГ ПИСАТЕЛЕЙ ЭПОХИ «БЕЗВРЕМЕНЬЯ»: Н. П. ВАГНЕР И А. П. ЧЕХОВ

Варвара Анатольевна Стаценко

Волгоградский государственный социально-педагогический университет,
Волгоград, Россия

Аннотация. Изучение литературных контактов писателей является ключом к прочтению культурного кода эпохи и конкретного исторического периода. В данном контексте рассматривается природа диалогических отношений писателей 1870–1880-х гг. А. П. Чехова и Н. П. Вагнера. Культурно-исторический и сравнительно-типологический подход к их произведениям позволяет определить степень их взаимного влияния и обозначить круг общих тем: богатство и бедность, материальная и духовная нищета, вера и наука, тяжелое детство, спиритизм. Выявляются близкие и индивидуальные позиции в мировоззрении и литературной манере писателей.

Ключевые слова: *Н. П. Вагнер, А. П. Чехов, литературный диалог, литература эпохи «безвременья», литературная сказка, объективное повествование*

Для цитирования: *Стаценко В. А. Литературный диалог писателей эпохи «безвременья»: Н. П. Вагнер и А. П. Чехов // Известия ЮФУ. Филол. науки. 2025. Т. 29, № 2. С. 134–147. <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-2-134-147>*

Original article

LITERARY DIALOGUE OF WRITERS OF THE ERA OF “TIMELESSNESS”: N.P. WAGNER AND A.P. CHEKHOV

Varvara A. Statsenko

Volgograd State Pedagogical University, Volgograd, Russian Federation

Abstract. The study of literary contacts of writers is the key to reading the cultural code of an epoch and a specific historical period. In the interaction of the two worldviews of the authors, new meanings are born and ideas that are already circulating in society are deepened. In this context, the nature of the dialogical relations between the writers of the 1870s and 1880s A.P. Chekhov and N.P. Wagner is considered. They were writers of the same cultural and historical epoch. The first came to literature in the early 1870s, being a famous zoologist and professor at St. Petersburg University, the second began to engage in literary work while studying at the medical faculty at the end of that decade to help a family that had moved to Moscow from Taganrog. The writers are completely different in terms of their talents and the nature of their literary activities, but they nevertheless reflected the common features of their era, willingly or unwittingly entering into a literary dialogue with each other. The cultural-historical and comparative-typological approach to their works allows us to determine the degree of influence on each other's work and identify a range of common themes: wealth and poverty, ma-

terial and spiritual poverty, faith and science, difficult childhood, spiritualism. Close and individual positions in the worldview and literary style of the writers are revealed.

Key words: *N. P. Wagner, A. P. Chekhov, literary dialogue, literature of the era of "timelessness", literary fairy tale, objective narration*

For citation: Statsenko, V. A. (2025). Literary dialogue of writers of the era of "timelessness": N.P. Wagner and A.P. Chekhov. *Proceedings of Southern Federal University. Philology*, vol. 29, no. 2, pp. 134-147. (In Russian). <https://doi.org/10.18522/1995-0640-2025-2-134-147>

Введение

Н. П. Вагнер и А. П. Чехов были писателями одной культурно-исторической эпохи. Первый пришел в литературу в начале 1870-х гг., будучи известным ученым-зоологом, профессором Петербургского университета, второй стал заниматься литературным трудом во время учебы на медицинском факультете в конце этого же десятилетия, чтобы помогать семье, перебравшейся в Москву из Таганрога. Писатели совершенно разные и по масштабу дарования, и по характеру литературной деятельности, они тем не менее отразили общие черты своей эпохи, вольно или невольно вступая друг с другом в литературный диалог.

Изучение личных и литературных контактов писателей может приблизить нас к воссозданию общей картины эпохи, ее историко-культурного и литературного развития. Во взаимодействии двух миропредставлений авторов рождаются новые смыслы и углубляются идеи, уже циркулирующие в обществе. По мнению М. М. Бахтина, «один смысл раскрывает свои глубины, встретившись и соприкоснувшись с другим, чужим смыслом: между ними начинается как бы диалог, который преодолевает замкнутость и односторонность этих смыслов, этих культур. Мы ставим чужой культуре новые вопросы, каких она сама себе не ставила, мы ищем в ней ответа на эти наши вопросы, и чужая культура отвечает нам, открывая перед нами новые свои стороны, новые смысловые глубины» [Бахтин, 1986, с. 354].

Под литературным диалогом мы подразумеваем «феномен, который базируется на смысловых параллелях с сохранением собственных мировоззренческих позиций» [Тимошенко, 2013, с. 6]. Понятие включает в себя как опосредованное общение писателей в парадигме автор – автор через художественные образы, так и непосредственное влияние одной творческой личности на другую.

Исследование и его результаты

Литературную популярность Н. П. Вагнеру принесли философские «Сказки Кота-Мурлыки», многократно дополнявшиеся автором и выдержавшие девять переизданий до 1913 г. Они и по сей день входят в круг детского чтения, хотя предназначены не только для детей, но и для взрослых. Недаром за писателем закрепилась репутация «русского Андерсена». Первая попытка сопоставить Вагнера с Чеховым принадлежит Л. Е. Бушканец: как и произведения А. П. Чехова, «философские "Сказки Кота-Мурлыки" в фантастической форме отразили пессимистические настроения конца 1870–1880-х годов» [Бушканец, 2002, с. 113]. Диалог произведений двух авторов во многом обусловлен близкими по времени процессами создания текстов, общим настроением эпохи. Исследователи Чехова отмечают, что изображение мучительной для героев писателя жизни в его произведениях – следствие «аномалии, порожденной эпохой 80-х годов в России, названной безвременьем» [Линков, 2008, с. 134]. В обществе этого периода господствует обыденщина, и эта «болезнь» касается каждого. Современники все чаще говорили о полном вырож-

дении общества и потере смысла жизни. Чеховское и вагнеровское безвременье – это «безвременье без героев» [Николаев, 2017, с. 39].

Кроме очевидной принадлежности к одному периоду историко-литературного процесса, двух авторов объединяют непосредственные связи, круг литературного общения. Н. П. Вагнер был одним из первых, кто отметил величину таланта Чехова, что свидетельствует о чутком взгляде сказочника на современную литературу. Критик Л. Е. Оболенский в своих воспоминаниях подчеркивает: «...талант Антона Павловича Чехова был замечен ранее других Н. П. Вагнером. <...> Первая в нашей критической литературе безусловно хвалебная статья об этюдах А. П. Чехова принадлежала мне. Но ранее ее появления Н. П. Вагнер в частном разговоре со мною советовал мне обратить внимание на “замечательные” очерки Чехова. “Это – талант незаурядный! О нем стоит поговорить!” – волновался Николай Петрович с горячностью, свойственной его живой, энергичной натуре» [Оболенский, 1902, с. 495].

Вагнеру хотелось выразить свое отношение к Чехову в печати. 5 марта 1889 г. он писал А. С. Суворину: «...Хочется мне и сильно хочется написать критическую заметку о Чехове, да боюсь В.П. [Буренин] обидится, скажет: на его двор заезжаю. Чехов, по-моему, такой талант, какого у нас на Руси еще не было, талант самородный, не деланный. Столько в нем силы наблюдательности, чувства и мысли, что иной раз прочтешь его вещь и выскочишь, как очумелый. Такая правда и глубина!! Мне кажется, что в Чехове современный реализм сказал свое последнее слово – и как-то дико и странно, что к силе таланта прикидывают вершковую мерку. Говорят: “Какой же он талант! – он пишет маленькие вещицы”. Да господа – ведь эти вещицы те же бриллианты!» [Чехов в неизданной переписке ... , 1960, с. 101].

В. А. Тихонов в письме Чехову от 6 марта 1889 г. передал ему свой разговор с Н. П. Вагнером: «Ах, вот еще: открыл я еще одного поклонника Вашего таланта! Да ведь какого поклонника-то! Какого мне еще и встречать не приходилось: он считает Ваш талант выше всех русских писателей, как настоящих, так и прошедших (без исключения). И поклонник этот – профессор Н. П. Вагнер. Я недавно с ним про Вас говорил, и когда он мне сказал это, то при всем моем неограниченном уважении к Вашему таланту, при всей любви моей к Вам лично, я все-таки был несколько ошеломлен. Но старик говорил мне это таким уверенным, таким убежденно-восхищенным тоном, что я возражать не стал: может, и впрямь он прав. Что же, давай Бог! Нам-то лучше! Он к Вам применил слова Тургенева о Л. Толстом: помните – “Л. Толстой слон между нами”... и т. д.». Спрашивает: “Пишете ли Вы еще что-нибудь для театра?” (Пожалуйста, пишите!)» [Чехов, 1976, т. 3, с. 405].

Восторженную оценку известного сказочника и ученого-зоолога Чехов воспринял скептически: «Я, вопреки Вагнеру, верую в то, что каждый из нас в отдельности не будет ни “слоном среди нас” и ни каким-либо другим зверем и что мы можем взять усилиями целого поколения, не иначе. Всех нас будут звать <...> “восьмидесятые годы” или “конец XIX столетия”» [Чехов, 1976, т. 3, с. 173–174]. Скромность в ответ на похвалу – не только особенность характера, но и жизненная позиция Чехова. Он плохо относился к привычкам своих современников оценивать, предсказывать будущее и подводить преждевременные итоги: «У человека слишком недостаточно ума и совести, чтобы понять сегодняшний день и угадать, что будет завтра, и слишком мало хладнокровия, чтобы судить себя и других» [Чехов, 1975, т. 2, с. 309]. Истинность суждений двух писателей стала ясной спустя время. Имя Чехова, несмотря на

его убеждение в обратном, не осталось рядовой единицей в череде авторов поколения, а стало достоянием русской классической литературы.

Произведения Кота-Мурлыки А. П. Чехов знал, они были популярны у современников писателя. В письмах 1891 и 1901 гг. он просил прислать для чтения экземпляры «Царевны Меллины» [Чехов, 1976, т. 4, с. 487], а также «Картин из жизни животных» [Чехов, 1981, т. 10, с. 423], которые только что вышли в свет.

«Царевна Меллина» с подзаголовком «Сказка о том, как появилась насмешка» изначально носила название «Чудный мальчик» и была включена в самый первый сборник «Сказок Кота-Мурлыки» (1872). Впоследствии ее стали выпускать отдельными тиражами. Только с 1888 по 1905 г. вышло девять изданий сказки.

К 1891 г., когда Чехов познакомился с этим произведением, оно уже получило широкую известность. Критика относила «Чудного мальчика» к числу самых полезных и лучших «из всех до сих пор существующих сказок русских и переведенных для русских детей» [Феоктистов, 2021, с. 523] и даже считала одной из тех, которые «совершенно соответствуют всем требованиям реального воспитания детей» [Скабический, 1890, с. 702], т. е. отвечают запросам педагогики второй половины XIX в.

Научно-популярные очерки «Картины из жизни животных» (1901) не пользовались подобной популярностью. В советской литературе авторитетное мнение С. Я. Маршака не могло не оказать влияния на судьбу этой книги. Он раскритиковал Вагнера за «лжебеллетристический метод» и смешение научного и художественного стилей: «Каждая фраза, каждая страница вагнеровской книги так типична для предреволюционной детской литературы. Типична “квасным” ложнорусским стилем и полным пренебрежением к русскому языку. Типична незаконным соединением научных сведений, анекдотических подробностей и стилистических завитушек» [Маршак, 1971, с. 291–292].

Отзывы же самого Чехова на эти сказки и очерки о животных, если они были, не сохранились. Способы и приемы описания вещного и животного миров у него и Вагнера разнятся.

Эстетические и духовные воззрения этих представителей эпохи «безвременья» во многом не совпадали. Для объективной манеры Чехова характерна достоверность изображаемого в ее хаотичности, внимание к точке зрения и чувствам отдельной личности, тяготение к устранению авторской позиции, адогматичности – в поздний период творчества. Нередко в его прозе отсутствует образ повествователя, который бы рассказывал, как «должно» жить. Н. П. Вагнер, напротив, создает произведения в притчевой манере. Дидактизм свойствен как его философским сказкам, так и отдельным рассказам и повестям. Кот-Мурлыка дает наставления и советы читателю-современнику и даже будущему поколению. Подобные рассуждения, как правило, вкладываются в уста повествователя – носителя авторской позиции.

В творчестве Вагнера соединяются романтические и символистские тенденции с характерными для них чертами – двоемирием, экспрессивностью, вниманием к мистическому и потустороннему, субъективностью восприятия. Сказки 1870-х гг. «близки к сказкам Серебряного века по своему пессимистическому и даже трагическому мироощущению» [Киселева, 2012, с. 474]. В рассказах Чехова, таких как «Воры», «Студент», «Невеста», «Цветы запоздалые», современные исследователи также находят признаки столкновения двух противоречивых тенденций – «синтеза романтического и реалистического начал» [Картузова, 2023, с. 376]. Однако уже во второй половине 1880-х гг. роман-

тизм проявляется лишь в «подводном течении» его творчества и мечте о лучшем будущем («небо в алмазах») в некоторых сюжетах.

Говорить о литературном диалоге писателей стали, потому что «в ряде случаев можно увидеть общее для них скептическое отношение к современному человеку» [Бушканец, 2002, с. 113]. Во многом такое восприятие действительности было порождением времени и происходило от ощущения бесплодности существования, которое «витало в воздухе» кризисных 1870–1880-х гг. Крах народнических идей породил тревогу перед грядущими социальными переменами.

Для Чехова «скептицизм служил защитой от пессимизма» [Линков, 2025, с. 30], сдерживающей силой, которая уберегала его от таких пороков, как осуждение чужих мнений и категоричность в утверждении своих. Фраза «Боже, не позволяй мне осуждать или говорить о том, чего я не знаю и не понимаю» [Чехов, 1980, т. 17, с. 180] станет одной из главных «молитв» автора, в некоторой степени характеризующих его подход к созданию произведений.

Н. П. Вагнер, посвятивший свои труды и надежды будущему поколению, в предисловии «Нашим детям» к третьему изданию сказок охарактеризовал современность как «бесплодную», «гнетущую» [Вагнер, 2015а, с. 35] и погрязшую во тьме. Свой скептицизм и недоверие автор в большей степени относил к представителям дворянства и интеллигенции, которые имели власть и могли повлиять на жизни других, но оставались равнодушными к несчастью ближнего.

Сострадание простому человеку, изображение ужасов бедной жизни, нищеты, не только материальной, но и духовной, тематически объединяет такие произведения, как «Гулли», «Мила и Нолли», «Новый год», «Фанни» Вагнера и рассказы Чехова «В аптеке», «Тоска», «Сон», «Устрицы» и др. В ряде случаев герои совпадают в своих рассуждениях о пошлости современности и обличают пороки времени вообще и обеспеченных, образованных людей в частности.

Такое неверие в избранных представителей общества роднит рассказ «Кошмар» (1886) и сказку «Кардыган» (не позднее 1887 г.). Герой Чехова, «непременный член по крестьянским делам» Павел Михайлович Кунин, узнав о крайней бедности священника Якова, захотел помочь страждущему. Слезы текли из его глаз от стыда и осознания того, какую обиду ранее он нанес нищему батюшке своим незнанием, равнодушием и предвзятостью. В финале раскрывается истинная природа якобы искренних порывов героя: *«Так началась и завершилась искренняя потуга к полезной деятельности одного из благонамеренных, но чересчур сытых и не рассуждающих людей»* [Чехов, 1976, т. 5, с. 73].

Иронизируя над пороками представителей благородных сословий своего времени, повествователь обнажает их настоящие стремления. Изначально пренебрежительное и брезгливое отношение Кунина не позволило увидеть правду о семье и добрых делах священника. Однако и после ужасающего «открытия» и разрушения предубеждений собственное благополучие остается для него выше чужого. «Согласно авторской логике в развитии характера героя, он признает свои ошибки только мысленно, <...> не посвящая в свое прозрение и покаяние людей, стоящих на высоких ступенях» [Гедзюк, 2018, с. 61].

Сказку Вагнера «Кардыган» можно рассматривать как ответную реплику в диалоге писателей. По сюжету этого произведения маленького Книпа, сына князя Гогржайского-Несеялова, спасает рабочий по прозвищу Кардыган. Сильный и добродушный, он относит мальчика в свой простой домишко и от-

дает последние деньги на угощение для маленького князя. Но для знатного избалованного ребенка невыносима жизнь в каморке, он не может уснуть *«среди атмосферы, от которой тошнило»* [Вагнер, 2015а, с. 399]. Эта тошнота впоследствии переросла в *«скуку души»*.

Став взрослым и получив титул князя, Никанор Дмитриевич забывает о наставлениях доброго Кардыгана, об обещании делать жизнь всех и каждого радостнее и забыть о требованиях своей души. Временами он даже *«думал свое богатство обратить на помощь бедным поморянам. Но все эти добрые намерения как-то не выгорали»* [Вагнер, 2015а, с. 413].

Вагнер подчеркивает равнодушие представителей высших сословий второй половины XIX в. по отношению к простому человеку. Узнав о бедствиях обескровленных жителей, увидев их нищее существование своими глазами, князь продолжает вести праздную богатую жизнь. Многочисленные споры и размышления о добрых поступках остаются лишь разговорами в роскошных залах.

Отзвук литературной полемики писателей мы находим в характере изображения главных героев сказки Вагнера «Два вечера» (1872) и повести Чехова «Скучная история» (1889). В сказке повествуется о двух значимых мгновениях в жизни ученого: первом знакомстве с ликом Христа и предсмертном прощании со святым образом. История распятия Сына Божьего оставила глубокий след в сознании шестилетнего мальчика. В негодовании от того, что с Иисусом сделали люди, он плачет и сжимает маленькие кулачки. В сознании ребенка рождается горькое чувство злобы и желание отомстить. Но мама останавливает неверные эмоциональные порывы сына, направляя его на праведный путь: *«Никогда не должно платить злом за зло <...> Ведь каждый злой человек не был бы злым, если бы вокруг него не было ничего злого и если бы он сам не мог делать зла»* [Вагнер, 2015а, с. 531]. Отметим, что понятие «любовь» Н. П. Вагнер трактовал в таком аспекте в 1872 г., до появления известного жизнеучения о «непротivлении злу насилieм». Писатель и критик Л. Е. Оболенский писал, что Вагнер «гораздо раньше Льва Толстого стал задумываться о значении “любви” как основного принципа жизни и морали. Он всюду искал обоснования этого принципа, а вовсе не в одном “спиритуализме”, <...> увлекался и философией Шопенгауэра» [Оболенский, 1902, с. 494].

Героиня сказки «Два вечера» понимает любовь к людям многогранно и связывает ее не только с проявлением милосердия и доброты, но и с любовью к знанию, научной истине: *«...только тот, кто много знает, может сделать много добра и тот действительно любит всех людей»* [Вагнер, 2015а, с. 532]. Следуя заветам матери, герой становится ученым, однако, согласно позиции автора-повествователя, «стать ученым» и «заниматься наукой во благо людям» – принципиально разные понятия. В предисловии «Кто был Кот-Мурлыка?», описывая незаурядный характер сказочника, Вагнер отмечает, что Кот-Мурлыка *«любил науку и терпеть не мог ученых. Любил искусство и ненавидел искусников: в особенности таких, которые всю жизнь пели фальшивые ноты»* [Вагнер, 2015а, с. 44]. Все поддельное, бесполезное вызывает в нем отторжение.

Прожив чуть ли не целое столетие под знаком «любви» к науке, перед смертью герой отрекается от собственных исследований и множества умных книг, которыми завален его темный пыльный кабинет: *«Ни одна из вас не подсказала мне великое слово любви! Ни одна не указала святой, вечной цели!»* [Вагнер, 2015а, с. 534]. Старик находит заброшенное под грудой книг распятие Христа и, в последний раз сжимая его, осознает, что все его научные

изыскания служили неверной цели, что он любил в науке одного себя, идею самоудовлетворения. В пространстве открытых им мелких фактов нет ни одного вывода, который мог бы принести действительную пользу людям, и нет самого главного – беззаветной любви к человеку.

В повести Чехова «Скучная история» профессор Николай Степанович, будучи смертельно больным и подводя итоги своей жизни, продолжает верить, что *«наука – самое важное, самое прекрасное и нужное в жизни человека, что она всегда была и будет высшим проявлением любви»* [Чехов, 1977, т. 7, с. 263]. Его так же, как героя Вагнера, гнетут мысли о бессмысленности конкуренции в научной среде, он обесценивает и ненавидит собственные чины и титулы, однако ученого не покидает вера в чистую науку и любовь к преподаванию. Осознав скуку и ничтожность смысла прожитой жизни, профессор по-прежнему *«хотел бы проснуться лет через сто и хоть одним глазом взглянуть, что будет с наукой»* [Чехов, 1977, т. 7, с. 307].

Но какой бы сильной ни была его вера в науку, она терпит поражение. Для Николая Степановича «идея служения науке оказалась недостаточной, поскольку потеряла свое значение и силу перед лицом смерти» [Линков, 2008, с. 161]. Герой разочарован в себе, в отсутствии в нем самом и его прославленных делах «общей идеи», т. е. всеохватывающего смысла, ради которого вообще существует жизнь. Эта духовная болезнь делает его «рабом», неспособным к великодушию, помощи и самому главному, что должно быть в человеке, – любви к ближнему.

Вагнер и Чехов изображают процесс изменения сознания героев, духовный кризис, вызванный страхом скорой смерти. Находясь в тяжелом болезненном состоянии, ученые проходят через глубинную трансформацию мировоззрения и приходят к одному выводу: они провозглашают главной идеей жизни любовь к человеку.

Общей для писателей становится также тема тяжелого, безрадостного детства. Чехов обращается к ней, например, в таких рассказах, как «Спать хочется» и «Ванька», Вагнер – в сказках «Гулли», «Без света», «Макс и Волчок» и др.

Авторы едины в понимании конфликтного характера взрослого и детского миров. В литературном диалоге писателей ребенок невинный и чистый обречен на обездоленное существование и становится объектом насмешки толпы. Бесчеловечный феномен благотворительности ради забавы, развлечения и моды осмысливается в сказке Вагнера «Любовь великая» (1881) и рассказе Чехова «Устрицы» (1884).

Бедная девочка Машурка, героиня Вагнера, неизлечимо больна и живет со старенькой бабушкой, которая всеми силами пытается вымолить средства на жизнь у высокомерных господ. Мир ребенка наполнен особым трагизмом и совмещен с морбуальным пространством, свойственным многим совсем не детским сказкам Кота-Мурлыки [Стаценко, 2024а, с. 108]. Момент появления богатых особ в их небольшой и бедной каморке кажется ярким и счастливым событием, но только по внешним признакам. Для высокородных дам посещение дома бедняка – веяние моды, праздное занятие, которое поможет приумножить и без того якобы неисчислимые их добродетели. Однако данные тяжелобольному ребенку и бабушке обещания остаются пустыми словами. Особа, «которая из всего Ветхого и Нового Завета помнила только одну притчу о блудном сыне» [Вагнер, 2015а, с. 364], взялась за нравственное воспитание нищих, не имея даже части той доброты и честности, которые были у простой старушки и Машурки. Их скромность и внутренняя чистота оказываются выше богатства и красивых обещаний господ. Повествователь сравнивает

несчастную девочку с «ангелом» [Вагнер, 2015а, с. 380], который, едва посетив грешный земной мир, возвращается на небеса. Ее болезнь сопряжена с христианским самопожертвованием и является необходимой ступенью на пути к Богу. Маленькая девочка умирает без страха, потому что улетает «*в светлую сторону, где нет “ни печали, ни вздыхания”*» [Вагнер, 2015а, с. 376]. Мотив посмертного воздаяния характерен для судеб многих героинь сказок Вагнера, страдающих от нищеты и болезней. Одним из его возможных литературных источников был рассказ Ф. М. Достоевского «Мальчик у Христа на елке» (1876).

Помощь обездоленному мальчику становится развлечением для знати и в рассказе Чехова «Устрицы». Ребенок, заразившийся «*Fames [лат. голодом] – болезнью, которой нет в медицинских учебниках*» [Чехов, 1975, т. 3, с. 131], сталкивается с необходимостью просить с отцом милостыню на улицах. Понимая, что его недуг может вылечить еда, он отчаянно просит помощи, но получает ее, только выкрикнув о желании съесть диковинное морское животное. Интерес двух господ в цилиндрах, которые подходят к страждущим, основан не на стремлении помочь, а на желании устроить потеху. «*Толпа глядит <...> с любопытством и смехом*» [Чехов, 1975, т. 3, с. 134] на потуги ребенка, который с жадностью ест неизвестную ему пищу вместе с раковинами. Изображая духовные и физические страдания мальчика, Чехов показывает жестокость этого мира взрослых по отношению к голодному ребенку.

Объектом серьезной полемики двух авторов можно считать популярное во второй половине XIX в. учение – спиритизм. Это религиозно-философское течение отразилось в творчестве Ф. М. Достоевского, Л. Н. Толстого, А. П. Чехова и других русских писателей, прямо или косвенно связанных с фигурой Н. П. Вагнера. Он привлек к участию в спиритических сеансах Ф. М. Достоевского, Н. С. Лескова, П. Д. Боборыкина, вступил в полемику с Л. Н. Толстым по поводу дискредитации своей личности в комедии «Плоды просвещения».

Н. П. Вагнер был деятельным сторонником и пропагандистом спиритизма. Он не только верил в существование духов умерших, но и создал собственную концепцию учения – христианский спиритизм, изложенную в многочисленных статьях и обобщенную в книге «Наблюдения над медиумизмом» (1902). В рамках исследования мира духа ученый впервые попытался примирить религию и науку. Рассказ «Не выдержал» (не позднее 1896 г.) является ярким выражением авторской концепции духовного мира [Стаценко, 2024б, с. 108]. Отдавая роль повествователя герою-материалисту, автор проводит читателя по всем этапам изучения спиритизма: от первого знакомства до утверждения его существования. При этом возникающие противоречия снимаются посредством «научных» описаний сложности взаимодействия с миром «*высоких тонов*» и материализации духа в нашем мире «*низких, грубых колебаний*» [Вагнер, 2023, с. 377]. Сумасшествию героя Палаузова, который часто общался с духом своей жены, также находится объяснение: обычный человек, не обладающий даром и гениальностью медиума, «*не выдержал*» постоянного сопротивления земной оболочки и ощущения тяжелой тоски по духовному миру.

Отметим, что Вагнеру не было свойственно включать описания спиритических сеансов в художественные произведения. Герои-спириты появляются лишь в нескольких сюжетах: «Впотьмах», «Две стклянки», «Инегильда», «Не выдержал». Для него спиритизм был объектом серьезного изучения, практическим способом познания духовного мира, который просто еще не был исследован и применен в достаточной мере. Свои размышления он изла-

гал в научно-популярных статьях: «Смысл мироздания» (1892), «Как образуются привидения» (1894), «Что такое спиритизм?» (1895) и др.

К дискуссионному вопросу о природе религиозных учений своего времени А. П. Чехов основательно обращается в нескольких коротких рассказах первого периода творчества. Как правило, спиритизм рисуется в негативном ключе и становится отрицательной чертой героя: символом дьявола и безбожия («Шведская спичка», 1884), следствием расшатанных нервов и недозрелого ума («Нервы», 1885), развлечением для стариков, которые впали в детство («Скука жизни», 1886), заблуждением, за которым люди пытаются скрыть свои грехи («Следователь», 1887). В рассказах «Клевета» и «Безнадежный» спиритические практики попросту неинтересны героям и являются только предметом обсуждения во время застолья. Здесь можно говорить о минимальном различии между авторской позицией и речью рассказчика: в произведениях 1880–1887 гг., в которых, по мнению А. П. Чудакова, «повествователь настолько близок к автору, что дистанция между ними часто равна нулю» [Чудаков, 2024, с. 112].

Позднее выходят произведения, в которых спиритизм лишь упоминается как увлечение одного из праздных, бездеятельных персонажей, имеющих отношение к знатному роду или состоятельной семье (высокомерная княгиня из рассказа «Княгиня», бездеятельный барин из «Ариадны», плаксивая мать Нина Ивановна из «Невесты»).

Повторяющийся мотив рассказов Чехова о спиритизме – отвержение его как способа познания и одновременно признание факта таинственности многих явлений жизни. Эта мысль возникает в рассказе «Клевета» (1883): *«Все трое не верили в спиритизм, но допускали, что на этом свете есть много такого, чего никогда не постигнет ум человеческий»* [Чехов, 1975, т. 2, с. 276]. Она же повторяется при обсуждении популярного учения в рассказах «Нервы» (1885) и «Невеста» (1903): *«...не могу, конечно, утверждать, что я верю, но <...> в природе есть много таинственного и непонятного»* [Чехов, 1977, т. 10, с. 275]. Однако приоткрыть завесу тайны, по мнению повествователя, не способен ни один современный человек, будь он одаренным медиумом или известным гипнотизером. *«Только просвещенные и святые люди интересны, только они и нужны <...> авось и настанет когда-нибудь царствие божие на земле»* [Чехов, 1977, т. 10, с. 308].

Негативное отношение Чехова к спиритизму сформировалось не только на основе наблюдений за представителями учения, которое захватило общественность в 1870-е гг., но и из личных впечатлений после сеансов. В 1894 г. он пишет А. С. Суворину: «Как-то лет 10 назад я занимался спиритизмом и вызванный мною Тургенев ответил мне: “Жизнь твоя близится к закату”» [Чехов, 1977, т. 5, с. 306]. Эти слова и сцена вызова духа в 1884 г., по предположениям исследователей, легли в основу рассказа «Страшная ночь», но ключевую фразу произнес не И. С. Тургенев, а Б. Спиноза, философ XVII в. Назвать точное количество сеансов, которые посетил Чехов, трудно. В 1904 г. А. В. Круглов вспоминает о событиях двадцатилетней давности: «...помните, “Мир”, у манежа и спиритический сеанс с Ремезовым» [Чехов, 1983, т. 12, с. 265]. Ответ на это письмо, к сожалению, не сохранился.

«Страшная ночь» представляет собой пародию на «страшный» святочный рассказ. Игра воображения героев после посещения спиритического сеанса становится объектом насмешки повествователя. Галлюцинации и временное помутнение рассудка объясняются не сложной природой появления духов, как в произведениях Вагнера, а чувством страха, которое, по мысли ав-

тора, возникло бы у многих в описанной ситуации: «...ведь и сам черт испугается, если после спиритического сеанса натолкнется в потемках на гроб» [Чехов, 1975, т. 3, с. 143]. Вера в духов возникает в сознании героев с говорящими фамилиями Панихидина и Погостова не в момент сеанса, а под влиянием случая – под воздействием ночи и доставленной именно в этот день «посылки» Челюстина, который отправил своим знакомым гробы, чтобы сохранить семейное имущество. Отношение к спиритизму меняется в противоположную сторону после осознания объективных, довольно прозаических причин происходящего.

В рассказе «Тайна» (1887) герой также из-за случайных обстоятельств, навязчивых мыслей и снов, а в большей степени из-за своего незнания становится приверженцем и популяризатором спиритизма. Чтобы разгадать тайну подписи неизвестного ему Федюкова, Навагин прибегает к спиритическим практикам. После получения долгожданного ответа он становится одержимым новым способом поиска истины, им овладевает жажда знаний – и список вызываемых духов расширяется: Наполеон, Ганнибал, Аскоченский. Навагин каждый день использует блюдечко, занимается столоверчением, толкованием сверхъестественного при помощи гипнотизма, медиумизма, бишопизма, спиритизма и других подобных им «измов», которые нередко смешивались в сознании обывателя в конце XIX в. Возврат из мира «туманных» верований в финале произведения статский советник воспринимает болезненно. Немое отупение и злоба овладевают им потому, что он потерял не только веру, но и подтверждение собственной избранности. «Короткие, но верные и полные глубокого смысла ответы» [Чехов, 1976, т. 6, с. 150] из блюдца делали статского советника особенным человеком, познавшим тайны огромного мира.

При подготовке собрания сочинений Чехов исключил из первоначального варианта рассказа одну злободневную деталь – упоминание журнала «Ребус» [Чехов, 1976, т. 6, с. 653], первого в России периодического издания по медиумизму. Постоянным сотрудником и идейным вдохновителем создания этого органа по искоренению материалистических воззрений был Н. П. Вагнер.

В 1885–1886 гг. спиритический журнал уже становился объектом насмешки в коротких рассказах «Визитные карточки» и «Беседа пьяного с трезвым чертом». Сотрудников этого издания повествователь сравнивает с воплощением дьявольского на земле, что находит отражение в фамилии – «сотрудник журнала „Ребус“ Иван Иванович Дьяволлов» [Чехов, 1976, т. 4, с. 284] – и в описании самой сущности – черти как сотрудники журнала. «Беседа пьяного с трезвым чертом» являлась откликом на шуточный очерк Ф. М. Достоевского «Спиритизм. Нечто о чертях. Чрезвычайная хитрость чертей, если только это черти» (1876), где медиумические явления были представлены как проделки чертей, которые стремятся одурачить и обмануть человека. Чехов продолжает эту мысль, вводя в рассказ «чиновника особых поручений при особе его превосходительства директора адской канцелярии г. Сатаны» [Чехов, 1976, т. 4, с. 338] – черта. Сморякаясь в спиритический журнал, герой признается, что множество его братьев уже стали полноправными жителями человеческого общества: «Многие из нас сотрудничают в „Ребусе“, есть даже такие, которые бросили ад и поступили в люди» [Чехов, 1976, т. 4, с. 339]. Путь добра при этом давно уже нет на земле, а потому работы у чертей стало слишком мало, «не с чего совращать» [Чехов, 1976, т. 4, с. 339].

Чехов не относил себя ни к одному из религиозных или философских течений эпохи, хотя в разные периоды жизни занимался и увлекался и спии-

тизмом, и философией Толстого. На вопрос об истинности медиумизма, гипнотизма и прочих популярных околонуточных явлений он давал однозначный и резко отрицательный ответ. В 1889 г. Чехов вынес «приговор» стоявшей на грани с реальностью и фантастикой практике: «Спиритуалисты – это не ученое, а почетное звание» [Чехов, 1976, т. 3, с. 208].

Заключение

Несмотря на разность позиций Вагнера и Чехова по отношению к спиритизму, стоит отметить, что христианская любовь к ближнему у Кота-Мурлыки и общечеловеческая, без отнесения к какому-либо учению, у Чехова – близкие по своему глубинному содержанию понятия. Великое будущее в мировоззрении обоих авторов связывается с осознанием каждым человеком роли добра и любви к ближнему, но разными средствами. Как объективиста Чехова интересовало познание истинной сути вещей. Он верил в силу отдельной деятельной, равнодушной личности, «верил в “великое будущее” человечества» [Линков, 2008, с. 137], когда каждый поймет и приобретет то, «что называется общей идеей, или богом живого человека» [Чехов, 1977, т. 7, с. 307]. Целью христианского спиритизма Вагнера, хоть и признанного бездоказательным и необъективным, была не только популяризация учения, но и утверждение значимости любви как высшей цели человеческого существования. Спиритические практики в авторской концепции Вагнера имели добрые и верные задачи и были призваны вернуть одурманенного материализмом человека на путь добродетели, помогали найти истинный смысл жизни в труде на благо ближнему. «Мы поучаем вас любви беспредельной и вечной, а такая любовь распространяется даже на врагов наших» [Вагнер, 2015б, с. 278].

9 октября 1877 г. в переписке с Ф. М. Достоевским Вагнер отметил: «Мы с Вами выходим с разных сторон, но идем оба к Свету. И мне кажется, все равно, откуда был этот свет ни начинался: от истин религиозно-идеальных или физически-реальных, – но важно только, чтобы он закончился в одном – Источнике вечного Света» [Вагнер, 1875–1877, с. 43–44]. На наш взгляд, эти слова применимы и в случае его литературного взаимодействия с Чеховым. Используя разные художественные принципы и приемы, авторы стремились к единой нравственной цели – утверждению добра, любви и взаимопомощи в жизни каждого человека.

Список источников

- Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества. 2-е изд. М.: Искусство, 1986. 445 с.
- Бушканец Л. Е. Сказки Н. П. Вагнера (Кота-Мурлыки) в контексте русской литературы 1870–1880-х гг. // Поэтическое перешагивание границ. Казань: Изд-во Казанского ун-та, 2002. С. 106–115.
- Вагнер Н. П. Не выдержал // Новогодние и другие рассказы русских писателей. М.: Никея, 2023. С. 350–382.
- Вагнер Н. П. Письмо к Достоевскому Ф. М. от 9 октября 1877 года // Письма к Достоевскому. Петербург, 1875–1877. С. 41–48.
- Вагнер Н. П. (а) Сказки Кота-Мурлыки : в 2 т. М.: Книговек, 2015. Т. 1. 608 с.
- Вагнер Н. П. (б) Что такое спиритизм? (с предисловием В. Раздьяконова) // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2015. № 4 (33). С. 271–293.
- Геджук Е. А. Рассказ А. П. Чехова «Кошмар» в свете литературной трансформации библейских сюжетов // Отечественная филология. 2018. № 1. С. 58–67.
- Картузова М. В. Романтические мотивы в прозе А. П. Чехова // Мир науки, культуры, образования. 2023. № 3 (100). С. 374–377.

Киселева Е. Ю. Творчество Вагнера и истоки литературы русского символизма // Учен. зап. КГАНВ им. Н. Э. Баумана. 2012. № 4. С. 472–477.

Линков В. Я. Скептицизм и вера Чехова. 2-е изд., перераб. и доп. М.: ФЛИНТА, 2025. 155 с.

Линков В. Я. Человек перед лицом жизни (о творчестве А. П. Чехова) // История русской литературы XIX века в идеях : учеб. пособие. 2-е изд. М.: Изд-во Московского ун-та; Печатные традиции, 2008. С. 133–164.

Маршак С. Я. Воспитание словом // Собр. соч. : в 8 т. М.: Худож. лит., 1971. Т. 7. 543 с.

Николаев Д. Д. Литературные портреты безвременья: от Н. К. Михайловского к А. А. Измайлову // Безвременье как сюжет : статьи и материалы. Тверь: Изд-во М. Батасовой, 2017. С. 30–43.

Оболенский Л. Е. Литературные воспоминания и характеристики // Ист. вестн. : ист.-лит. журн. 1902. Т. 87. С. 487–508.

Скабичевский А. М. Старый идеализм в современной оболочке // Соч. : в 2 т. СПб.: Тип. газеты «Новости», 1890. Т. 1. С. 698–714.

Стаценко В. А. (а) Антропологическое пространство болезни в поэтике прозы Н. П. Вагнера // Студ. электр. журн. СтРИЖ. 2024. № 2 (55). С. 108–110.

Стаценко В. А. (б) Спиритуализм как художественная рефлексия в метапоэтике прозы Н. П. Вагнера // Русская классическая и неклассическая литература: текст, контекст, рецепция. Ярославль: РИО ЯГПУ, 2024. Ч. 1. С. 107–111.

Тимошенко Ю. В. Литературный диалог Джейн Остен с Сэмюэлем Ричардсоном : дис. ... канд. филол. наук. Самара, 2013. 203 с.

Феоктистов И. Андерсен и Вагнер как авторы сказок для детей (1881) // Споры о сказке в дореволюционной педагогической критике : приложение к журналу «Детские чтения». 2021. № 1 (019). С. 505–524.

Чехов в неизданной переписке современников / публ. и коммент. Н. Гитович // Вопросы литературы. 1960. № 1. С. 97–111.

Чехов А. П. Полн. собр. сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 12 т. М.: Наука, 1975. Т. 2. 584 с.

Чехов А. П. Полн. собр. сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 12 т. М.: Наука, 1976. Т. 3. 575 с.

Чехов А. П. Полн. собр. сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 12 т. М.: Наука, 1976. Т. 4. 656 с.

Чехов А. П. Полн. собр. сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 12 т. М.: Наука, 1977. Т. 5. 679 с.

Чехов А. П. Полн. собр. сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 12 т. М.: Наука, 1981. Т. 10. 600 с.

Чехов А. П. Полн. собр. сочинений и писем : в 30 т. Письма : в 12 т. М.: Наука, 1983. Т. 12. 640 с.

Чехов А. П. Полн. собр. сочинений и писем : в 30 т. Соч. : в 18 т. М.: Наука, 1975. Т. 2. 584 с.

Чехов А. П. Полн. собр. сочинений и писем : в 30 т. Соч. : в 18 т. М.: Наука, 1975. Т. 3. 624 с.

Чехов А. П. Полн. собр. сочинений и писем : в 30 т. Соч. : в 18 т. М.: Наука, 1976. Т. 4. 552 с.

Чехов А. П. Полн. собр. сочинений и писем : в 30 т. Соч. : в 18 т. М.: Наука, 1976. Т. 5. 704 с.

Чехов А. П. Полн. собр. сочинений и писем : в 30 т. Соч. : в 18 т. М.: Наука, 1976. Т. 6. 736 с.

Чехов А. П. Полн. собр. сочинений и писем : в 30 т. Соч. : в 18 т. М.: Наука, 1977. Т. 7. 735 с.

Чехов А. П. Полн. собр. сочинений и писем : в 30 т. Соч. : в 18 т. М.: Наука, 1977. Т. 10. 496 с.

Чехов А. П. Полн. собр. сочинений и писем : в 30 т. Соч. : в 18 т. М.: Наука, 1980. Т. 17. 528 с.

Чудаков А. П. Поэтика и мир Антона Чехова: возникновение и утверждение. М.: Эксмо, 2024. 752 с.

References

- Bakhtin, M.M. (1986). *Aesthetics of verbal creativity*. 2nd ed. Moscow, Art, 445 p. (In Russian).
- Bushkanets, L.E. (2002). The Tales of N. P. Wagner (The Purring Cat) in the context of Russian literature of the 1870s and 1880s. *Poetic overstepping the boundaries*. Kazan, Kazan University Publishing House, pp. 106-115. (In Russian).
- Chekhov, A.P. (1975). *Complete works and letters*: in 30 vol. *Essays*: in 18 vols. Moscow, Science, vol. 2, 584 p. (In Russian).
- Chekhov, A.P. (1975). *Complete works and letters*: in 30 vol. *Essays*: in 18 vols. Moscow, Science, vol. 3, 624 p. (In Russian).
- Chekhov, A.P. (1976). *Complete works and letters*: in 30 vol. *Essays*: in 18 vols. Moscow, Science, vol. 4, 552 p. (In Russian).
- Chekhov, A.P. (1976). *Complete works and letters*: in 30 vol. *Essays*: in 18 vols. Moscow, Science, vol. 5, 704 p. (In Russian).
- Chekhov, A.P. (1976). *Complete works and letters*: in 30 vol. *Essays*: in 18 vols. Moscow, Science, vol. 6, 736 p. (In Russian).
- Chekhov, A.P. (1977). *Complete works and letters*: in 30 vol. *Essays*: in 18 vols. Moscow, Science, vol. 7, 735 p. (In Russian).
- Chekhov, A.P. (1977). *Complete works and letters*: in 30 vol. *Essays*: in 18 vols. Moscow, Science, vol. 10, 496 p. (In Russian).
- Chekhov, A.P. (1980). *Complete works and letters*: in 30 vol. *Essays*: in 18 vols. Moscow, Science, vol. 17, 528 p. (In Russian).
- Chekhov, A.P. (1975). *Complete works and letters*: in 30 vol. *Letters*: in 12 vols. Moscow, Science, vol. 2, 584 p. (In Russian).
- Chekhov, A.P. (1976). *Complete works and letters*: in 30 vol. *Letters*: in 12 vols. Moscow, Science, vol. 3, 575 p. (In Russian).
- Chekhov, A.P. (1976). *Complete works and letters*: in 30 vol. *Letters*: in 12 vols. Moscow, Science, vol. 4, 656 p. (In Russian).
- Chekhov, A.P. (1977). *Complete works and letters*: in 30 vol. *Letters*: in 12 vols. Moscow, Science, vol. 5, 679 p. (In Russian).
- Chekhov, A.P. (1981). *Complete works and letters*: in 30 vol. *Letters*: in 12 vols. Moscow, Science, vol. 10, 600 p. (In Russian).
- Chekhov, A.P. (1983). *Complete works and letters*: in 30 vol. *Letters*: in 12 vols. Moscow, Science, vol. 12, 640 p. (In Russian).
- Gitovich N., publ. and commentary (1960). Chekhov in the unpublished correspondence of contemporaries. *Questions of Literature*, no. 1, pp. 97-111. (In Russian).
- Chudakov, A.P. (2024). *Poetics and the world of Anton Chekhov: emergence and affirmation*. Moscow, Eksmo, 752 p. (In Russian).
- Feoktistov, I. (2021). Andersen and Wagner as authors of fairy tales for children (1881). *Disputes about Fairy Tales in Pre-Revolutionary Pedagogical Criticism. Supple to the journal "Children's Readings"*, no. 1, pp. 505-524. (In Russian).
- Gedzyuk, E.A. (2018). Chekhov's short story "The Nightmare" in the light of the literary transformation of biblical plots. *Russian Philology*, no. 1, pp. 58-67. (In Russian).
- Kartuzova, M.V. (2023). Romantic motifs in the prose of A.P. Chekhov. *The World of Science, Culture, Education*, no. 3, pp. 374-377. (In Russian).
- Kiseleva, E.Yu. (2012). Wagner's creativity and the Origins of the Literature of Russian Symbolism. *Scientific Notes of the Bauman Moscow State Institute of Fine Arts*, no. 4, pp. 472-477. (In Russian).
- Linkov, V.Ya. (2008). A man in the face of life (about the work of A.P. Chekhov). *History of Russian literature of the 19th century in ideas*. A textbook. 2nd ed. Moscow, Moscow University Publishing House, Printed Traditions, pp. 133-164. (In Russian).

- Linkov, V.Ya. (2025). *Skepticism and Chekhov's faith*. 2nd ed. Moscow, FLINTA, 155 p. (In Russian).
- Marshak, S.Ya. (1971). Word education. *Collected works*: in 8 vols. Moscow, Art Literature, vol. 7, 543 p. (In Russian).
- Nikolaev, D.D. (2017). Literary portraits of timelessness: from N.K. Mikhailovsky to A.A. Izmailov. *Timelessness as a plot*. Articles and materials. Tver, M. Batasova Publishing House, pp. 30-43. (In Russian).
- Obolensky, L.E. (1902). Literary memoirs and characteristics. *Historical Bulletin: historical and literary journal*, vol. 87, pp. 487-508. (In Russian).
- Skabichevsky, A.M. (1890). Old idealism in a modern shell. *Works*: in 2 vols. St. Petersburg, Printing House of the newspaper "News", vol. 1, pp. 698-714. (In Russian).
- Statsenko, V.A. (2024a). The anthropological space of illness in the poetics of N.P. Wagner's prose. *Student Electronic Journal STRIZH*, no. 2, pp. 108-110. (In Russian).
- Statsenko, V.A. (2024b). Spiritualism as an artistic reflection in the metapoetics of N.P. Wagner's prose. *Russian classical and non-classical literature: text, context, reception*. Yaroslavl, Editorial and Publishing Department of Yaroslavl Pedagogical University, part 1, pp. 107-111. (In Russian).
- Timoshenko, Yu.V. (2013). *Jane Austen's literary dialogue with Samuel Richardson*. PhD thesis. Samara, 203 p. (In Russian).
- Wagner, N.P. (1875-1877). Letter to Dostoevsky F.M. dated October 9, 1877. *Letters to Dostoevsky*. Petersburg, pp. 41-48. (In Russian).
- Wagner, N.P. (2023). Could not stand it. *New Year's and other stories by Russian writers*. Moscow, Nikea, pp. 350-382. (In Russian).
- Wagner, N.P. (2015a). *Tales of the Purring Cat*: in 2 vols. Moscow, Age of Books, vol. 1, 608 p. (In Russian).
- Wagner, N.P. (2015b). What is spiritualism? (with a preface by V. Razdyakonov). *State, Religion, Church in Russia and Abroad*, no. 4, pp. 271-293. (In Russian).

Сведения об авторе

Стаценко Варвара Анатольевна – аспирант кафедры литературы и методики ее преподавания, varsta2001@mail.ru

Information about the Author

Varvara A. Statsenko – postgraduate student of the Department of Literature and Methods of Teaching, varsta2001@mail.ru

Статья поступила в редакцию 11.03.2025; одобрена после рецензирования 28.03.2025; принята к публикации 28.03.2025.

The article was submitted 11.03.2025; approved after reviewing 28.03.2025; accepted for publication 28.03.2025.